

DOI 10.15826/qr.2019.2.396

УДК 316.334.55(470.6)+316.343:63-051"653"

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В XVII в.*

Денис Ляпин

Елецкий государственный университет,
Елец, Россия

THE SOCIAL ORGANISATION OF THE RURAL POPULATION OF SOUTHERN RUSSIA IN THE SEVENTEENTH CENTURY**

Denis Lyapin

Yelets State University,
Yelets, Russia

This article considers the social organisation of the Russian rural population in the seventeenth century in order to clarify the peculiarities of the development of Russia along a "Muscovite national path". Social organisation was closely connected with the structure of daily life in the Middle Ages and the modern era. During the former, social identity was an important part of human life, defining the forms of behaviour. Within the framework of class groups, a person realised their attitudes, values, and principles. However, in terms of the behavioural aspects of practices of everyday life, it is also important to consider the social organisation of the population, a flexible form enabling people to adapt to the surrounding conditions. With reference to a substantial number of documents, this study considers the social organisation of the rural population of Southern Russian. The social organisation of the rural population took various forms, such as family communities, clans, communes, villages, local groups of settlements, *stans*, and *uyezds* (also functioning as administrative units). From a military perspective, the service class population of the region was merged into military corporations (service "cities"). The social organisation of the rural population de-

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 8-39-20001.

** Citation: Lyapin, D. (2019). The Social Organisation of the Rural Population of Southern Russia in the Seventeenth Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 2. P. 601-614. DOI 10.15826/qr.2019.2.396.

Цитирование: Lyapin D. The Social Organisation of the Rural Population of Southern Russia in the Seventeenth Century // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 2. P. 601-614. DOI 10.15826/qr.2019.2.396 / Ляпин Д. Социальная организация сельского населения Юга России в XVII в. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 601-614. DOI 10.15826/qr.2019.2.396.

pended on external circumstances but, more importantly, community interests prevailed over private interests when it came to common tasks: war or ploughing the land. These are important indicators of life in the village and made it easier for people to adapt to the difficulties and external conditions which existed in the country's southern regions in the seventeenth century.

Keywords: social organisation; Russian village; Russian south; commune; smallholders (*odnodvortsy*); rural "world".

Статья посвящена изучению вопроса о социальной организации населения русской деревни в XVII в., что позволяет яснее понять особенности развития России, ее «московский национальный путь». Социальная организация тесно связана с изучением структуры повседневной жизни населения периода Средневековья и Нового времени. В эту эпоху социальная принадлежность была важной частью жизни человека, она определяла формы его поведения. В рамках конкретной сословной группы человек реализовывал свои жизненные установки, ценности и принципы. Однако в поведенческом аспекте, применяемом в практике повседневности, следует говорить также о социальной организации населения. Она была гибкой формой приспособления людей к условиям окружающей жизни. Исследование, основанное на большой документальной базе, посвящено социальной организации сельского населения Юга России. В регионе она принимала различные формы: это семейно-родовые сообщества, община, деревня, локальная группа поселений, стан и уезд (в том числе и как административные единицы). В военном аспекте служилое население уезда было объединено в военные корпорации (служилые «города»), которые включали в свой состав помещиков (детей боярских) во время военных походов и смотров. Социальная организация сельского населения зависела от внешних обстоятельств, но самое главное то, что коллективный интерес был важнее личного, если речь шла о важных общих делах – войне или распашке земли. В этом был значимый показатель интегративной деятельности сельского «мира», позволивший ему приспособиться к сложным внешним условиям, сложившимся на южном пограничье в XVII в.

Ключевые слова: социальная организация; русская деревня; Юг России; община; одноворотцы; сельский «мир».

Изучение структуры повседневной жизни населения периода Средневековья и Нового времени тесно связано с включением его в состав той или иной социальной группы. В рамках этой группы человек реализовывал свои жизненные установки, ценности и принципы, а также являлся носителем определенных форм поведения, присущих большинству ее членов. Однако в поведенческом аспекте, реализуемом в практике повседневности, уместнее говорить не только о социальной группе, но и о социальной организации населения, понятии более сложном и широком.

Под социальной организацией мы понимаем любые общественные отношения, возникающие в пределах конкретного пространства, обусловленные как особенностями социально-политического развития государства в целом, так и региональными традициями. Социальная организация является важной частью общей структуры повседневной жизни, поскольку во многом определяет поведенческие модели населения. Именно поэтому ее изучение должно стать основополагающим для работ в русле повседневной истории [Кром].

Вопросы социально-экономического развития южных уездов в XVI–XVII вв. впервые затрагивались в трудах Д. И. Багалей и И. Н. Миклашевского. Оба исследователя уделили внимание проблемам миграции русского населения на юг и юго-запад, также коснувшись вопроса о сельской общине. И. Н. Миклашевского в первую очередь интересовало хозяйственное развитие региона, в рамках которого он коснулся вопроса о роли отдельных социальных групп в этом процессе [Миклашевский]. Д. И. Багалей исследовал причины колонизации степной окраины русскими людьми, выделив даже особые «психологические импульсы», которые направляли народное движение на юг [Багалей, 1896]. Он полагал, что решающую роль в хозяйственном освоении южной окраины играла вольная народная колонизация [Багалей, 1889].

Значительное внимание вопросу о социальной организации сельского общества Юга России уделил советский историк В. М. Важинский [Важинский]. Он считал общину мелких помещиков-однодворцев важнейшей частью местного сельского «мира», которая сыграла главную роль в процессе хозяйственного освоения этой пограничной территории, а также в военном противостоянии с татарами и Османской империей. В. М. Важинский впервые на широком архивном материале показал роль общины в жизни местного населения, особенно в коллективной распашке земель.

В историографическом обзоре следует также отметить монографию К. Белкин-Стивенс, посвященную освоению южных пространств Российского государства в XVII в. [Stevens Belkin]. Исследовательница обратила особое внимание на важность военного фактора, который необходимо учитывать при анализе социальной структуры региона. По ее мнению, успешное присоединение обширного южного пограничья стало возможным благодаря постепенной «военной революции», изменившей русскую армию. В рамках этой революции на юге создавались «военные полицейские округа», защищавшие Россию и позволившие русскому населению продвигаться в степь [Ibid., p. 9].

Собранные в книге В. М. Важинского об общине однодворцев материалы стали предметом детального анализа американского историка Б. Дэвиса о «ситуации в Козлове» в 1648 г. [Devies]. Описывая бедственное положение местных помещиков, Б. Дэвис согласился с выводами В. М. Важинского о закономерностях расселения служилых землевладельцев на юге и о наличии здесь особой земельной об-

щины. Б. Дэвис считал даже, что местные помещики жили хуторами, особыми коллективными хозяйствами [Devies, p. 118–119].

В статье анализируются особенности социальной организации сельского населения южнорусского региона в XVII в., где происходили важные события, связанные с освоением огромных степных и лесостепных пространств в контексте военного противостояния России и Крымского ханства, действовавшего при поддержке Османской империи [Загоровский, 1968; Загоровский, 1989; Зенченко, с. 233; Stevens Belkin]. Географические рамки определяются пространством нескольких уездов, расположенных в верхнем и среднем течении Дона, главным образом это Елецкий и Воронежский уезды. Привлечен комплекс архивной делопроизводственной документации XVII в.: данные Разрядного приказа (переписка местных воевод с Москвой), а также массовые источники (писцовые и переписные книги) Поместного приказа.

Процесс присоединения и хозяйственного освоения Юга России осуществлялся посредством строительства городов-крепостей, число которых постоянно росло. Постепенно большинство из них становились военными, административными и экономическими центрами своей округи – уезда [Загоровский, 1969, с. 240–241]. Социальная организация уездного общества проявлялась в следующих формах: семья-род, община, сельское поселение, локальная группа поселений, стан и уезд. Все они были тесно связаны и дополняли друг друга, образуя в конечном итоге единое пространство повседневной жизни человека.

По свидетельству документов о строительстве и заселении Воронежа (1585) и Ельца (1592), население каждого из этих городов-крепостей составляло примерно 3 тыс. чел. и делилось на «служилых по прибору», живших в крепости, и «служилых по отечеству», детей боярских, получающих поместья в ее округе [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1, 2; Глазьев, 2012]. К северу от Ельца в 1594 г. земельные участки получили 200 детей боярских, воронежцы начали получать поместья не ранее 1598 г. [Глазьев, 2012]. Это были первые представители сельского населения формирующегося уезда – помещики («дети боярские»). В документах начала XVII в. встречаются упоминания о проживающих на их землях крестьянах. После Смутного времени крупными земельными «дачами» в уезде владели атаманы донских казаков, а после военной реформы середины XVII в. здесь появились представители полков нового строя (рейтары и драгуны) [Петрухинцев; Нефедов]. Однако изменение военной организации не повлияло на принципы хозяйственного уклада сельского населения, поскольку драгуны набирались в основном из крестьян, а рейтары – из числа мелких помещиков [РГАДА. Ф. 210. Оп. 66. Д. 20. Л. 248–318; Оп. 12. Д. 327. Л. 38–91; Оп. 12. Д. 433. Л. 26–61; Скобелкин].

Документы позволяют представить процесс формирования сельского сообщества в конце XVI в. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1, 2]. Главную роль здесь играли семейно-родовые группы как первичные

формы социальной организации времени первого заселения округи города-крепости. Первоначально правительство придерживалось специальных мер, согласно которым переселяться на новые земли должны были дети боярские «прожиточные и семьянистые», имеющие на своих землях крестьян. Однако на практике это правило почти не исполнялось. Воеводы уездов Верхней Оки, откуда шло переселение, составляли списки «прожиточных и семьянистых» помещиков, но те уклонялись от переезда и посылали вместо себя родственников, не имевших крестьян-однодворцев [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1, 2. Л. 59]. Поэтому с самого начала основную массу переселенцев составляли однодворцы, и отсутствие крестьян в таких случаях компенсировалось семейно-родовой сплоченностью, характерной для «большой семьи» с ее принципами патернализма и коллективизма.

Со временем правительство совсем отказалось от идеи обязательного переселения помещиков с крестьянами, стремясь быстрыми темпами увеличить численность детей боярских на южных рубежах. В годы царствования Бориса Годунова (1598–1605) количество помещиков в большинстве городов-крепостей резко выросло, например, в Ельце – с 200 чел. в 1594 г. до 800 чел. в 1604 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1; РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 86]. При этом в число первых землевладельцев записывали казаков, стрельцов, а в редких случаях и крестьян. Новый критерий для переселенцев сводился к тому, что они должны были быть «собою добры и в службу годны» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 86. Л. 2, 66, 73].

С момента освоения южного пограничья и на протяжении всего XVII в. численность крестьян в данном регионе была незначительной в сравнении с числом помещиков-однодворцев. Так, в небольшом Епифанском уезде в 1628 г. количество детей боярских составило 203 чел., а крестьян – всего 11 чел. [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 140]. В 1648 г. только 307 (17 %) помещиков Елецкого уезда владели хотя бы одним крестьянином, а 1498 дворян (83 %) не имели крестьян [РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 88; Новосельский, 1938, с. 22; Stevens Belkin, p. 140–141].

В таких условиях каждое сельское поселение было по своей сути объединением нескольких кланово-родовых групп. Писцовые описания XVII в. показывают, что редкие семьи вели отдельную распашку земли, большинство помещичьих семей пахали пашню коллективно – «через десятину». Это касалось не только не имевших крестьян однодворцев, которых, как мы видели, здесь было подавляющее большинство, но и тех помещиков, которые имели одного-двух крестьян [Ляпин, 2015]. Нам не кажется возможным вслед за Б. Дэвисом называть такие поселения хуторами [Devies, p. 119], хотя в этом термине есть доля истины: местные помещики часто (но далеко не всегда) были родственниками и вели совместную распашку земель. Так, семейно-родовые отношения определяли особенности развития сельского поселения как социальной организации, состоящей из членов локализованной части одного большого рода и родственников

по браку. Ярким примером формирования поселения как клановой семейно-родовой общности служит история Талицкого острога.

Существовавший как небольшая крепость на востоке Елецкого уезда, он был расширен в 1651 г. и заселен переселенцами с Украины. В том же году острог был включен в состав только что созданного Острогожского слободского казачьего полка, а все его жители поверстаны в казачью службу. Анализ состава населения Талицкого острога за столетний период показывает, что в XVIII в. здесь проживали представители всего восьми фамилий первопоселенцев, хотя общая численность населения в 1762 г. достигла 119 чел. мужского пола [РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 149]. Жители острога имели свои органы самоуправления и вели коллективную распашку земель [РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 6; Ф. 159. Оп. 1. Д. 149]. И хотя острог не был типичным сельским поселением, он занимал по своей сути промежуточное место между городом-крепостью и селом, от которого он отличался наличием укреплений. Социально-демографическая ситуация в сельских поселениях этого региона была схожей. Здесь также проживали представители четырех-пяти фамилий при средней численности в 100 чел. мужского пола [Важинский].

Происхождение и развитие сельских поселений как семейно-родовых локализованных групп прослеживается по данным писцовых и переписных книг (см. также: [Благовещенский]). Сравнительный анализ этих документов показывает, что переселения на новое место жительства происходили группами семей из одного уезда. Мы детально изучили процесс заселения нескольких участков в округе крепостей. Например, данные по территории к северу от Ельца показывают, что появившиеся здесь в 1594–1600 гг. первые населенные пункты были основаны выходцами из Тульского и Епифанского уездов. В частности, деревня Бредихино появилась как поселение обширного клана помещиков Бредихиных, приехавших сюда из Тульского уезда [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132]. Село Дмитровское (Рогатово) было основано представителями пяти семей помещиков Епифанского уезда: Смыковых, Башуриновых, Черных, Шуриновых и Бурцевых [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 87, 223]. Село Архангельское (Дегтярево) основали три семьи одного рода помещиков Дегтяревых, выехавших также из Епифанского уезда [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 138. Л. 221]. По нашим подсчетам, сельские поселения Елецкого уезда, основанные представителями четырех-шести фамилий, составляли около 60 %. Для Воронежского и Ливенского уездов этот показатель может быть доведен до 70 %.

Семейно-родовой характер сельских поселений определял структуру повседневной жизни, направленную на поддержание внутреннего единства и сплоченности [Важинский, с. 22; Devies, p. 120]. Распашка земли, выпас скота и промысловая деятельность, как правило, осуществлялись коллективно. В этой связи важным инструментом поддержания экономической стабильности сельского общества, ба-

зирующимся на принципах взаимопомощи его членов, была община. Она являлась более мелкой социальной организацией по сравнению с сельским поселением, поскольку не все жители села или деревни были ее членами. По нашим подсчетам, основанным на данных писцового описания 1628–1630 гг., членами общины были 89 % помещиков Елецкого уезда.

При составлении писцовых книг писцы всегда указывали, что распашка земель ведется общиной, например: «...а помещики в той деревне Высокой, oprичь Меркуловых, владеют своими поместьями и истари пашню пашут через десятину и сенокосят вопче» [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132. Л. 173]. Здесь можно также встретить любопытные данные о вдовах и сиротах, на землях которых нет крестьян, однако размер их пашенной земли в среднем такой же, как у прочих помещиков. Например, в починке Сотникове Елецкого уезда жила вдова Прасковья Черникова с малолетним пасынком, размер обрабатываемой земли («паханной пашни») которой составлял 3 четверти (около 1,5 га) [Там же. Л. 900]. Примерно такое же количество четвертей обрабатываемой земли было и у ее соседей. Ясно, что вдова и ее малолетний сын не могли самостоятельно справиться с распашкой столь обширного участка.

Конечно, община была условной единицей, не имевшей юридического оформления, хотя она и признавалась государством как реальность сельской жизни. Земли, принадлежавшие помещику вне зависимости от его статуса, официально являлись частным, а не коллективным владением [Чичерин, с. 50].

Важнейшей составляющей общины была внутренняя взаимопомощь ее членов хозяйствами [Devies, p. 115–120]. Это заметно на материалах смотров 1622 г. («десятен»), когда местный «мир» еще не оправился от разорений Смутного времени [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 87]. Так, в Елецком уезде из 820 помещиков 80 % получили характеристику «худых». Все они, как правило, не имели на своих землях крестьян. Согласно материалам смотра, в уезде проживали вдовы и девушки-сироты, которые владели «прожитками» до 30 четвертей земли (около 15 га) и не имели крестьян¹. Обработка их пашни, вне зависимости от размера, могла происходить только с участием соседей, в результате чересполосного деления земли. В уезде проживали также 130 мальчиков – сирот, недорослей, родители которых были убиты или уведены в плен. Некоторые из них жили с родственниками, другие из-за бедности «бродили меж дворы». Однако государство вовсе не считало их списанными со счетов и оставляло за ними крупные земельные участки [Stevens Belkin, p. 151].

Сельское общество в рамках общинной организации регулировало внутренние хозяйственные и имущественные отношения своих членов, распределяя ресурсы так, чтобы были обеспечены в достаточной

¹ Четверть – 0,5 га.

степени все его члены, включая сирот-недорослей и вдов. Это же подтверждается тем обстоятельством, что на землях некоторых сирот-недорослей жили крестьяне, их включали в расклад при обработке десятинной пашни, с их земель платился налог, а сами они значились как землевладельцы. Б. Дэвис называл такие общины «деревенскими коммунами», подчеркивая их тесную «братскую» сплоченность. Он считал, что функции общин не ограничивались только совместной распашкой земель [Devies, p. 117–147].

Анализ массовых источников показывает, что наличие свободных земель и рост населения конкретной локальной группы или села не приводили к изменению структуры общины в пользу ее усложнения. С достижением определенной численности часть населения уходила во вновь созданное поселение, которое могло развиваться первоначально как пустошь или починок. Чтобы заранее обеспечить формирование нового поселения на удобных ландшафтно-природных участках, представители общины стремились взять во владение («в отказ») прилегающее к их селению пространство [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 147; Котков]. Эти «отказы» фиксировались в специальных «отказных книгах», анализ которых показывает, что процесс распределения земель не был результатом свободного волеизъявления местной общины. Дьяки московских приказов постоянно напоминали местному «миру», что пустая земля, лес или озеро принадлежат царю. Процесс земельных раздач осуществлялся на основе коллективных челобитных помещиков, в которых они просили государя разрешить им распределить между собой пустые участки, «чтоб та земля в запустении не была» [Котков, с. 55]. В своих коллективных просьбах помещики иногда писали, что добросовестно служат военную службу «как государь укажет» [Там же].

Как самостоятельные структуры социальной организации семейно-родовые группы и общины составляли сельские поселения – крупные социальные единицы, выполнявшие, вероятно, и некоторые административные функции. Писцовые описания уездов изучаемого региона фиксируют такие формы сельских поселений, как село, деревня, починок, сельцо (небольшое сельское поселение, находившееся в отдалении от других поселений) или пустошь (поселение, не имевшее постоянного населения). Каждое сельское поселение – коллектив семейно-родовых групп, общность которого поддерживается хозяйственной деятельностью. Вне зависимости от общинной принадлежности каждая семья-род была участником процесса освоения окружающего ландшафта. Этот процесс вынуждал представителей сельского общества на создание локальных групп поселений, первоначально – вокруг крепости, а затем и на других участках, тяготевавших к административному центру.

Изучение комплекса писцовых и переписных книг по отдельным уездам показывает, что в первое время около 90 % поселений крепостной округи образовывали небольшие локальные группы.

В 1691 г. число таких «кластерных» поселений Елецкого и Чернавского уездов составило 46,7 % [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135]. Локальные группы были достаточно устойчивым явлением на протяжении всего XVII в.: если входившие в их состав поселения исчезали в ходе военных действий с татарами, то рядом появлялись другие. Исчезновение целой локальной группы в Елецком уезде наблюдалось только один раз – между 1628–1646 гг., в этот же промежуток исчезли две локальные группы в Ливенском уезде. Причина этих исчезновений связана с участвовавшими набегами татар, которые воспользовались участием местного служилого населения в Смоленской войне 1632–1634 гг.

Расположение сельского поселения, помимо ландшафтно-географического фактора (наличие леса и источника воды), определялось военно-стратегической функцией. Села и деревни находились на важных участках, имеющих оборонительное значение для округа города-крепости, их задача заключалась в том, чтобы предотвратить внезапный набег, задержать неприятеля на пути в крепость. Внезапное нападение татар на какое-либо поселение локальной группы позволяло жителям соседних населенных пунктов своевременно принять меры для спасения, и ценой нескольких людских жизней спасалось большинство жителей уезда и крепости. Такая тактика позволяла поддерживать демографический рост местного сообщества [Ляпин, Гайтерова; Глазьев, 2006, с. 6].

Социальная организация сельского общества, направленная на хозяйственное освоение уезда, была закономерно связана с особенностями ландшафта. Это проявилось и в делении уезда на станы – мелкие административные единицы. Уже само расположение станов было привязано к географическим ориентирам – рекам, ручьям, лесным массивам. Формирование станов происходило по принципу разграничения отдельных локальных групп сельских поселений, которые первоначально включали в свой состав только села и деревни, а затем починки и пустоши, реже – сельца. Со временем, когда границы стана уже были четко определены, шло формирование сельских поселений, находящихся за пределами локальных групп.

Уезд был не только административной единицей, но и своеобразной формой социальной организации. В случае конфликтов по поводу пастбищ или сенокосов, случавшихся между жителями разных уездов, вражда принимала корпоративный характер. К примеру, оказавшиеся в пределах нового Землянского уезда после 1662 г. помещики села Вислая Поляна (ранее находившегося на отдаленной южной окраине Елецкого уезда) продолжали считать себя «ельчанами» [ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 1].

Корпоративное сознание всего уездного общества, вероятно, определялось военным единством на службе. Военная составляющая жизни помещиков выражалась в корпоративном объединении, получившем в историографии название «служилый город». Его существование было основано на принципе коллективной службы пред-

ставителей одного уезда в полках и на участии в военных смотрах [Новосельский, 1994; Новосельский, 1961; Козляков, 2000; Козляков, 2005]. «Служилый город», основанный на местной служилой иерархии и системе взаимных поручительств, был главным средством организации помещиков уезда во время военных походов [Петрухинцев].

Формы социальной организации сельского общества были обусловлены как традициями социально-политического развития Российского государства, так и конкретными обстоятельствами, сложившимися в условиях степного пограничья [Пальчикова]. Рассматривая формы организации местного «мира», мы могли увидеть и некоторые особенности поведения его членов. Они проявили себя в общинном начале как вынужденной мере освоения окружающего пространства. Формы поведения людей, конечно, во многом определились их социальной организацией, принадлежностью к общине или семейно-родовой группе. Это ярко проявлялось также в коллективных действиях во время нападения татар. Каждый год представители сельского общества самостоятельно укрепляли свои села и деревни, чтобы защищаться от врага, поскольку пребывание во время набегов татар в крепости, длившееся несколько дней, отрывало людей от сельского труда и наносило урон общинному хозяйству. Как правило, подходя к границам стационарного проживания русского населения, татарские отряды рассыпались небольшими группами, чтобы захватить пленных и скот [Глазьев, 2006]. Представители местного «мира» были готовы потерять несколько человек, но продолжить хозяйственные занятия без длительного перерыва, чтобы обеспечить сохранность урочая, необходимого для жизни общины.

Например, в августе 1632 г. воевода Ливен жаловался в Москву, что его приказ срочно укрыться в крепости в связи с набегами татар сельскими жителями не исполняется: «уездные люди в осаду в город не едут, укрепили в селах и деревнях дворы во многих местах, за острожков место» [Новосельский, 1948, с. 212]. Посланники воеводы Лебедяни также не смогли убедить жителей села Доброе бросить пашню и отсидеться в крепости. «В осаду мы не пойдем, – говорили местные крестьяне, – у нас есть свой острожек, а скажите воеводе, чтоб прислал нам сотни две нас здесь оберегать» [Там же].

Таким образом, сельский «мир» на Юге России представлял собой сообщество, принимавшее различные формы социальной организации. В зависимости от внешних обстоятельств военная корпорация уезда, община земледельцев или семейно-родовой союз были важными составляющими местной жизни. Общинное начало, лежащее в основе любой социальной организации, было важным элементом интегративной деятельности сельского «мира», позволившим русскому населению не только приспособиться к сложным условиям степного пограничья, но и начать эффективное хозяйственное освоение непривычной ландшафтной среды.

Список литературы

Багaley Д. И. К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края : Отзыв об исследовании И. Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства». СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1896. 96 с.

Багaley Д. И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков : Тип. К. Л. Счасни, 1890. 456 с.

Благовецкий Н. А. Четвертное право. М. : Типолит. тов-ва «И. Н. Кушнерев и Ко», 1899. 546 с.

Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ин-т, 1974. 237 с.

ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 1.

Глазьев В. Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары // Ист. зап. Воронеж. гос. ун-та. Вып. 10. 2006. С. 6–13.

Глазьев В. Н. Заселение городов-крепостей Центрального Черноземья в контексте социальной политики российского правительства в конце XVI в. // Столица и провинция: история взаимоотношений : материалы Шестой регион. науч. конф. Воронеж : Истоки, 2012. С. 7–11.

Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1968. 272 с.

Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1989. 270 с.

Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М. : Памятники ист. мысли, 2008. 233 с.

Козляков В. Н. Служилый «город» московского государства XVII в. Ярославль : Ярослав. гос. пед. ун-т, 2000. 208 с.

Козляков В. Н. Дворянские кланы средневековой России XVI–XVII вв. // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия) : междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. Препринт. М. : Изд-во Ин-та всеобщ. истории РАН, 2005. С. 191–193.

Котков С. И. Отказные книги : Памятники южновеликорусского наречия. М. : Наука, 1977. 431 с.

Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности : сб. науч. работ / отв. ред. М. М. Кром. СПб. : Алетейя, 2003. С. 7–14.

Лаптева Т. А. Эволюция служилого «города» в XVII в. // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия) : междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина. М. : Изд-во Ин-та всеобщ. истории РАН, 2005. С. 199–203.

Ляпин Д. А. Расслоение провинциального дворянства в России и социально-политическая борьба во второй половине XVII в. // Рос. ист. 2015. № 5. С. 42–53.

Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.

Ляпин Д. А., Гайтерова К. Ю. Влияние военного фактора на хозяйственное освоение юга России в XVII в. (на материалах Елецкого уезда) // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2018. № 2 (11). С. 89–97.

Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М. : Тип. Д. И. Иноземцева, 1884. 310 с.

Нефедов С. А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII в. // Вopr. истории. 2004. № 4. С. 33–53.

Новомбергский Н. Слово и дело государевы : в 2 т. М. : Языки славян. культуры, 2004. Т. 1. 624 с.

Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Ист. зап. 1938. № 4. С. 21–40.

Новосельский А. А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятилетиям) // Русское государство в XVII в. М. : Наука, 1961. С. 51–62.

Новосельский А. А. Город как военно-служилый и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М. : Наука, 1994. С. 178–196.

Пальчикова А. С. Отражение аграрно-бытового календаря в женских именах второй половины XVII – начала XVIII вв. // История: факты и символы. 2015. № 1 (2). С. 40–50.

Петрухинцев Н. Н. «Разрядная» военная реформа Алексея Михайловича и ее влияние в 1658–1660 гг. на южные служилые «города» России (по материалам городов Липецкого края) // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 106–129.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1, 2; Ф. 159. Оп. 1. Д. 149; Ф. 210. Оп. 1. Д. 86; Оп. 4. Д. 87, 223; Оп. 5. Д. 6; Оп. 66. Д. 20; Оп. 12. Д. 327, 433; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132, 135, 138, 140, 147.

Скобелкин О. В. Изменение социального статуса служилых людей Воронежского уезда в 50–70-х гг. XVII в. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М. : Курск : КГПИ, 1994. С. 63–66.

Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М. : Тип. Эрнста Барфкиехта и К^о, 1858. 402 с.

Davies L. B. *State Power and Community in Early Modern Russia : The Case of Kozlov, 1635–1649*. N. Y. : Palgrave, 2004. 308 p.

Stevens Belkin C. *Soldiers on the Steppe : Army Reform and Social Change in Early Modern Russia*. DeKalb : Northern Ill. Univ. Press, 1995. 240 p.

References

Bagalei, D. I. (1890). *Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoi i otchasti Kurskoi i Voronezhskoi gubernii* [Materials for the History of the Colonisation and Life of Kharkov and Parts of Kursk and Voronezh Provinces]. Khar'kov, Tipografiya K. L. Schasni. 456 p.

Bagalei, D. I. (1896). *K istorii zaseleniya i hozyaistvennogo byta Voronezhskogo i Kurskogo kraja: Otvz ob issledovanii I. N. Miklashevskogo "K istorii khozyaistvennogo byta Moskovskogo gosudarstva"* [On the History of the Development and Economic Life of Voronezh and Kursk Regions. Review of the Study by I. N. Miklashevsky "On the History of the Economic Life of the Moscow State"]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 96 p.

Blagoveshchenskii, N. A. (1899). *Chetvertnoe pravo* [Quarterly Right]. Moscow, Tipolitografiya tovarishchestva "I. N. Kushnerev and Co". 546 p.

Chicherin, B. N. (1858). *Opyty po istorii russkogo prava* [Experiments on the History of Russian Law]. Moscow, Tipografiya Ernsta Barfkiekhta i Co. 402 p.

Davies, L. B. (2004). *State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635–1649*. N. Y., Palgrave. 308 p.

GAVO [State Archive of Voronezh Region]. Stock I-182. List 1. Dos. 1.

Glaz'ev, V. N. (2006). *Protivoborstvo v stepnom pogranič'e v 20–40-e gody XVII veka: russkie i tatory* [The Confrontation in the Steppe Border Regions in the 1620s–1640s: Russians and Tatars]. In *Istoricheskie zapiski Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Iss. 10, pp. 6–13.

Glaz'ev, V. N. (2012). *Zaselenie gorodov-krepostei Tsentral'nogo Chernozem'ya v kontekste sotsial'noi politiki rossiiskogo pravitel'stva v kontse XVI v.* [The Development of Fortress Cities of the Central Black Earth Region in the Context of the Social Policy of the Russian Government in the Late 16th Century]. In *Stolitsa i provintsii: istoriya vzaimootnoshenii. Materialy Shestoi regional'noi nauchnoi konferentsii*. Voronezh, Istoki, pp. 7–11.

Kotkov, S. I. (1977). *Otkaznye knigi. Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya* [Abandoned Books. Artefacts of the South Russian Dialect]. Moscow, Nauka. 431 p.

Kozlyakov, V. N. (2000). *Sluzhilyi "gorod" moskovskogo gosudarstva XVII v.* [The Service "City" of the 17th-Century Moscow State]. Yaroslavl', Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 208 p.

Kozlyakov, V. N. (2005). Dvoryanskie klany srednevekovoi Rossii XVI–XVII vv. [Noble Clans of Medieval Russia in the 16th–17th Centuries]. In *Obshchestvo, gosudarstvo, verkhovnaya vlast' v Rossii v Srednie veka i rannee Novoe vremya v kontekste istorii Evropy i Azii (X–XVIII stoletiya): mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika L. V. Cherepnina*. Preprint. Moscow, Izdatel'stvo Instituta vseobshchei istorii RAN, pp. 191–193.

Krom, M. M. (2003). Povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovaniya [Everyday Life as a Subject of Historical Research]. In Krom, M. M. (Ed.). *Istoriya povsednevnosti. Sbornik nauchnykh rabot*. St Petersburg, Aleteiya, pp. 7–14.

Lapteva, T. A. (2005). Evolyutsiya sluzhilogo "goroda" v XVII v. [The Evolution of the Service "City" in the 17th Century]. In *Obshchestvo, gosudarstvo, verkhovnaya vlast' v Rossii v Srednie veka i rannee Novoe vremya v kontekste istorii Evropy i Azii (X–XVIII stoletiya): mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika L. V. Cherepnina*. Preprint. Moscow, Izdatel'stvo Instituta vseobshchei istorii RAN, pp. 199–203.

Lyapin, D. A. (2015). Rassloenie provintsial'nogo dvoryanstva v Rossii i sotsial'no-politicheskaya bor'ba vo vtoroi polovine XVII v. [The Stratification of the Provincial Nobility in Russia and Social and Political Struggle in the Second Half of the 17th Century]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 42–53.

Lyapin, D. A. (2018). Tsarskii mech: sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii v seredine XVII v. [The Tsar's Sword: Socio-Political Struggle in Russia in the Mid-17th Century]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 336 p.

Lyapin, D. A., Gaiterova, K. Yu. (2018). Vliyanie voennogo faktora na khozyaistvennoe osvoenie yuga Rossii v XVII v. (na materialakh Eletskego uезда) [The Influence of the Military Factor on the Economic Development of Southern Russia in the 17th Century (Based on Materials from Yelets District)]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (11), pp. 89–97.

Miklashevskii I. N. (1884). *K istorii khozyaistvennogo byta Moskovskogo gosudarstva* [On the History of the Economic Life of Muscovy]. Moscow, Tipografiya D. I. Inozemtseva. 310 p.

Nefedov, S. A. (2004). Pervye shagi na puti modernizatsii Rossii: reformy serediny XVII v. [The First Steps towards the Modernisation of Russia: Reforms in the Mid-17th Century]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 33–53.

Novombergskii, N. (2004). *Slovo i delo gosudarevy v 2 t.* [The Word and Deed of the Sovereign. 2 Vols.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. Vol. 1. 624 p.

Novosel'skii, A. A. (1938). Rasprostranenie krepostnicheskogo zemlevladieniya v yuzhnykh uezdakh Moskovskogo gosudarstva v XVII v. [The Spread of Feudal Land Tenure in the Southern Districts of Muscovy in the 17th Century]. In *Istoricheskie zapiski*. No. 4, pp. 21–40.

Novosel'skii, A. A. (1961). Raspad zemlevladieniya sluzhilogo "goroda" v XVII v. (po desyatnyam) [The Collapse of Land Tenure in the Service "City" in the 17th Century]. In *Russkoe gosudarstvo v XVII v.* Moscow, Nauka, pp. 51–62.

Novosel'skii, A. A. (1994). Gorod kak voenno-sluzhilaya i kak soslovnaya organizatsiya provintsial'nogo dvoryanstva v XVII v. [The City as a Military Service and Class Organisation of the Provincial Nobility in the 17th Century]. In Novosel'skii A. A. *Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma*. Moscow, Nauka, pp. 178–196.

Pal'chikova, A. S. (2015). Otrazhenie agrarno-bytovogo kalendarya v zhenskikh imenakh vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII vv. [Reflection of the Agrarian Calendar in Female Names of the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 1 (2), pp. 40–50.

Petrukhintsev, N. N. (2018). "Razryadnaya" voennaya reforma Alekseya Mikhailovicha i ee vliyanie v 1658–1660 gg. na yuzhnye sluzhilye "goroda" Rossii (po materialam

gorodov Lipetskogo kraia) [The “Class” Military Reform of Alexei Mikhailovich and Its Influence on the Southern Service “Cities” of Russia in 1658–1660 (with Reference to Materials of the Cities of Lipetsk Region)]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 3 (16), pp. 106–129.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 141. List 1. Dos. 1, 2; Stock 159. List 1. Dos. 149; Stock 210. List 1. Dos. 86; List 4. Dos. 87, 223; List 5. Dos. 6; List 6b. Dos. 20; List 12. Dos. 327, 433; Stock 1209. List 1. Dos. 132, 135 138, 140, 147.

Skobelkin, O. V. (1994). *Izmenenie sotsial'nogo statusa sluzhilykh lyudei Voronezhskogo uezda v 50–70-kh gg. XVII v.* [Changes in the Social Status of Servicemen of Voronezh District in the 1650s–1670s]. In *Problemy istoricheskoi demografii i istoricheskoi geografii Tsentral'nogo Chernozem'ya*. Moscow, Kursk, Kurskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, pp. 63–66.

Stevens Belkin, C. (1995). *Soldiers on the Steppe. Army Reform and Social Change in Early Modern Russia*. DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 240 p.

Vazhinskii, V. M. (1974). *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke* [Land Tenure and the Formation of Smallholder Communities in the 17th Century]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. 237 p.

Zagorovskii, V. P. (1968). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod Line]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. 272 p.

Zagorovskii, V. P. (1989). *Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiiskogo gosudarstva v XVI veke* [The History of the Central Black Earth Region in the Russian State in the 16th Century]. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet. 270 p.

Zenchenko, M. Yu. (2008). *Yuzhnoe rossiiskoe porubezh'e v kontse XVI – nachale XVII v.* [The Southern Border of Russia in the Late 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 233 p.

The article was submitted on 28.11.2018